

Д. Лео

**Почему и как мы
приближаемся к анархии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Д11

Д11 **Д. Лео**
Почему и как мы приближаемся к анархии / Д. Лео – М.: Книга по Требованию, 2021. – 130 с.

ISBN 978-5-458-40733-5

Выпуская в свет настоящий очерк, считаем долгом оговориться, что мы не претендуем на научную скупуплезность, которая боится Смелых выводов. Когда дело идет о посильном предвидении будущего социального строя, можно и должно дать место и чутью и, если хотите, полету фантазии. Мы, замечая уже судороги родов грядущего анархизма, лишней раз позволяем себе повторить: *saveant consules!* тем, которые обладая индивидуальной и коллективной властью, забывают личность с ее запросами свободы. Может быть наше настроение слишком пессимистично, да простится нам, живущим в эпоху террора над личностью, когда объективизм мысли невольно поддается безотрадному настроению предчувствия смерти той современной культуры, составляющей те цепи, которые личность в конце концов разорвет.

ISBN 978-5-458-40733-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящій очеркъ, считаемъ долгомъ оговориться, что мы не претендуемъ на научную скурпулезность, которая боится смѣлыхъ выводовъ. Когда дѣло идетъ о сильномъ предвидѣніи будущаго соціального строя, можно и должно дать мѣсто и чутью и, если хотите, полету фантазіи.

Не домогаясь во что бы то ни стало быть оригинальнымъ въ исторической концепціи, мы замѣчая уже судороги родовъ грядущаго анархизма, лишній разъ позволяемъ себѣ повторить: *saveant consules!* тѣмъ, которые обладая индивидуальной и коллективной властью, забываютъ личность съ ея запросами свободы. Можетъ быть наше настроеніе слишкомъ пес-

симистично, да простится намъ, живущимъ въ эпоху террора надъ личностью, когда объективизмъ мысли невольно поддается безотрадному настроенію предчувствія смерти той современной культуры, составляющей тѣ цѣпи, которыя личность въ концѣ концовъ разорветъ.

I.

Анархія, какъ социальная болѣзнь.

Всѣ орудія, которыя имѣются въ распоряженіи современнаго западно-европейскаго государства, дружно направлены противъ анархистовъ. Ихъ казнятъ, сажаютъ въ пожизненное тюремное заключеніе, слѣдятъ и преслѣдуютъ на каждомъ шагу; ругательству и презрѣнію, начиная отъ ежедневнаго репортера и кончая ученымъ высшаго ранга, дана полная свобода. Однако, какъ криминальній полицейскій, такъ и философъ-моралистъ сознаютъ, что врагъ не побить, не уничтоженъ, быть можетъ, даже не запуганъ.

Гдѣ же этому причина?

Вѣдь это ничтожная группа людей, осмѣлившаяся поднять свою руку на миллионную толпу народа, стоящую за неприступнымъ оплотомъ укоренившихся порядковъ, убѣжде-

ній, традицій, законівъ, охраняемыхъ многотысячнымъ войскомъ штыковъ и ружей, — и тѣмъ не менѣе впечатлѣніе получается такое, что ни остріе стали, ни пули ружей, какой бы твердой и мѣткой рукой общественной власти они не были бы направлены, въ намѣченную цѣль не попадутъ, сердца врага не пронзятъ.

Почему-же?

Да потому слышутся тамъ и здѣсь голоса, что анархисты послѣдователи теоріи, а противъ теоріи нельзя сражаться, ее нельзя гильотинировать, разстрѣлять, заковать, запереть подъ тюремный замокъ, она всегда найдетъ своихъ защитниковъ, героевъ, своихъ слѣпыхъ поклонниковъ.

Разъ это теорія, такъ спрашивается, нельзя ли ее опровергнуть доводами ума, логически разбить, показать всѣ ея несообразности, нелѣпости, спустить на нее, однимъ словомъ, всю свору злѣйшихъ журналистовъ, краснорѣчивѣйшихъ теологовъ, искусившихся въ діалектикѣ юристовъ, изошрившихся въ метафизикѣ профессоровъ.

Уже забили барабаны нравственнаго негодованія, затрещали фразы ѣдкаго сарказма, выступила артиллерія ученой латыни, и поли-

лися по всѣмъ газеткамъ и толстымъ журналамъ ручьи и потоки чернильнаго краснорѣчія и глубокомыслія, — но, увы, шансы на побѣду отъ этого не увеличились и, вѣроятно не увеличатся.

Если исторія человѣческой жизни намъ въ достаточной мѣрѣ показала, что противъ теоріи, которая ищетъ первой возможности, чтобъ осуществиться въ дѣйствительности, нельзя идти штыкомъ, тогда противъ нея окажется и безсильной всякая логика, всякое краснорѣчіе, всякій призывъ къ морали и разуму. Потому, что подобныя теоріи, являются ли они результатомъ религіознаго, философскаго или соціальнаго склада мысли, всегда были и останутся не простымъ плодомъ праздной фантазіи, подкрѣпленной двумя-тремя теоретическими послылками, а невольнымъ выраженіемъ внутреннихъ мотивовъ, переживаемыхъ цѣлыми общественными группами.

Всякое государство, болѣе ли отдаленной или болѣе близкой эпохи, въ силу своихъ соціальныхъ законовъ, колеблется непрерывно между двумя крайностями политическаго полюса: абсолютнымъ монархизмомъ и абсолютнымъ анархизмомъ. Поэтому существованіе

анархистическихъ идей, подобно противоположной теоріи абсолютнаго монархизма, вызвано и обезпечено самой исторіей общественной жизни. И начиная отъ софистовъ и циниковъ и кончая Годвеномъ, Пруденомъ и Штирнеромъ, анархистическое ученіе безостановочно старается найти себѣ философскую формулировку, выработаться въ устойчивое социаль-политическое мировоззрѣніе, и какую силу логической убѣдительности оно можетъ получить въ будущемъ, этого намъ не предскажетъ ни одинъ пророкъ.

Объявляя-же теперь съ полнымъ правомъ мысли и чувства, выступающія на аренѣ словеснаго, художественнаго и музыкальнаго творчества, въ самомъ широкомъ смыслѣ анархистическими, мы должны открыто признать, что ихъ единогласное появленіе за послѣднія 20—30 лѣтъ не есть игра простой случайности, не минутное духовное затменіе, не злое чародѣйство, вызванное подземными силами, а имѣютъ свои обуславливающія культурныя причины. Тотъ захватывающій все-свѣтнѣйшій успѣхъ, которымъ пользуются новаторы индивидуалисты-анархисты, будетъ ли это Ницше, Ибсенъ или Толстой, объясняется

не силою ихъ краснорѣчія, не гармоніей ихъ художественныхъ красокъ, не полетомъ ихъ философской мысли, а тѣмъ органическимъ родствомъ, въ какомъ они находятся съ самимъ современнымъ обществомъ, являясь толкователемъ его собственныхъ смутныхъ ощущеній, въ немъ давно живущихъ, но еще дремлющихъ, не сложившихся и неопредѣлившихся идей и идеаловъ.

То же самое и въ проявленіяхъ политической жизни: незачѣмъ въ данномъ случаѣ Казеріо, Лучія, Брезіо, убившихъ невинныхъ людей, историческимъ ходомъ событій поставленныхъ на вершину соціальной организаціи, клеймить то уличными разбойниками, то сумасшедшими, то относить ихъ къ первымъ аванпостамъ ученія анархизма. Незачѣмъ возводить ихъ даже въ степень фанатиковъ этой политической религіи, такъ какъ они не только не знакомы съ теоріей Прудона и Штирнера, они не только не знаютъ ни Ницше, ни Толстого, они не слышали даже именъ Бакунина и Крапоткина, ближе уже къ нимъ стоящихъ по образу мысли. Не они представители анархизма, не они его проводники въ общество, но теорія тянется за ними, она форму-

лируетъ ихъ поступки, а сами они бессмысленные, произвольные факторы, слабыя общественныя единицы, поддавшіяся общему недомоганію и выступившія на периферіи соціального организма, какъ первыя симптомы, свидѣтельствующіе о нашемъ собственномъ культурномъ заболѣваніи.

Имѣя храбрость объявить себя больными, мы будемъ неустрашимо ставить діагнозъ болѣзни, безбоязненно раскрывать свои язвы, доискиваться до корня ихъ причинъ, и, какой бы приговоръ мы сами себѣ не вынесли, мы должны его встрѣтить съ достойнымъ мужествомъ объективно думающаго ума.

Для этого вначалѣ мы остановимся на одинъ моментъ на природныхъ законахъ, стремленіяхъ и цѣляхъ всякаго живущаго общества, а затѣмъ, отодвинувшись на разстояніе, исключющее всякую партійность, развернемъ передъ собою великую духовную карту переживаемой христіанско-научной эпохи и будемъ открыто, съ размаху въ большихъ чертахъ, отмѣчать тѣ соціаль-психологическіе мотивы, которые могли всего болѣе способствовать развитію этой болѣзни, именуемой анархизмомъ, или безначаліемъ.
